

Спиритическія странствованія на Марсъ.

Увлечение спиритизмомъ, главнымъ образомъ въ формѣ столоверченія, началось въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія и съ тѣхъ поръ много разъ давало вспышки. Ученые очень долго относились къ этимъ увлеченіямъ крайне пренебрежительно, трактуя спиритизмъ какъ предразсудокъ, какъ суевѣріе, недостойное вниманія науки. Но многочисленные спириты настаивали на своемъ и мало-по-малу побудили ученыхъ заняться серьезно явленіями, которыя поражали всѣхъ, кто ихъ видѣлъ, какъ что-то чудесное. Особенное вниманіе было обращено на тѣхъ посредниковъ между нами, простыми смертными, и тѣми безплотными силами, которыя производятъ спиритическія явленія, на такъ называемыхъ медиумовъ. Изучивъ цѣлый рядъ этихъ любопытныхъ натуръ, ученые отнюдь не изъявили раскаянія въ томъ, что они занялись такимъ суетнымъ и пустымъ предметомъ. Медиумы оказались прелюбопытнымъ народомъ, съ точки зрѣнія психо-физиологич. Все это были субъекты съ весьма повышенной нервной впечатлительностью и чувствительностью; благодаря особенной утонченной воспримчивости имъ доступны такія ощущенія, такія проявленія духовной жизни, которыя и въ самомъ дѣлѣ япой разъ граничатъ съ чудеснымъ. Отъ чего зависитъ эта ненормальность ихъ натуръ, въ чемъ состоитъ психо-физиологическій процессъ обнаруживаемыхъ ими явленій, въ чемъ тутъ, вообще говоря, суть—въ настоящее время еще невозможно опредѣлить. Но наука овладѣла уже, благодаря наблюденіямъ, цѣлымъ рядомъ спиритическихкихъ фактовъ, и это оказалось важнымъ въ томъ смыслѣ, что подобные факты, разъ они были наблюдаемы и изучены, утратили обаяніе чудеснаго. Явленія существуютъ, установлены, изучены, раздѣлены на группы; въ нихъ нѣтъ ничего чудеснаго, ихъ надо признавать явленіями естественными. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и они будутъ объяснены и поняты; тогда они будутъ имѣть въ себѣ не болѣе чудеснаго, чѣмъ, напримѣръ, кометы, которыя въ свое время такъ пугали людей.

Образцомъ спокойнаго ученаго наблюденія надъ весьма интереснымъ медиумомъ можетъ служить только-что вышедшая въ свѣтъ книга женевакаго профессора психологич Флурнуа. Она носитъ заглавіе: «Des Indes à la planète Mars» (изъ Индіи на планету Марсъ). Книга вышла очень объемистая, въ 420 страницъ. Ученый профессоръ самъ

отчасти смущенъ такимъ громоздкимъ этюдомъ, посвященнымъ предмету, который кое-кто изъ ученыхъ и публики все еще не хочетъ признавать достойнымъ научнаго вниманія. Но Флурнуа находитъ себѣ нѣкоторое оправданіе въ личности медиума—личности, не имѣющей ничего общаго съ профессиональными медиумами-шарлатанами, весьма туго поддающимися научному изслѣдованію. Медиумъ Флурнуа, молодая образованная дѣвушка, г-жа Смитъ, съ большою охотою дѣлала все, что отъ нея требовалось въ интересахъ строго научнаго изслѣдованія.

Флурнуа узналъ г-жу Смитъ въ декабрѣ 1894 года; ихъ познакомилъ его collega, профессоръ Леметръ, указавъ Флурнуа на эту особу, какъ на сильнѣйшаго медиума, совершенно не заинтересованнаго своею особенностью съ коммерческой стороны. Г-жа Смитъ не беретъ никакого вознагражденія за свои сеансы и понимаетъ, что, посвящая профессору свое время, она служитъ наукѣ. Флурнуа описываетъ свою интересную пациентку, какъ высокую, статную, красивую дѣвушку лѣтъ тридцати. На видъ она хорошо развита, здорова, вполне нормальна. Въ ея фізіономіи, въ выраженіи глазъ, въ живой и умной бесѣдѣ нѣтъ ничего подозрительнаго, ничего говорящаго объ экстазѣ, какъ это сплошь и рядомъ бываетъ у профессиональных медиумовъ или у особъ, увлекающихся спиритизмомъ и не могущихъ управлять собою, невольно ломающихся и притворяющихся. Она сразу расположила къ себѣ Флурнуа.

Первый сеансъ съ нею состоялся тогда же, у Леметра. Сѣли, какъ водится, за столъ, положили на него руки. Скоро Смитъ впала въ трансъ, какъ говорятъ спириты. Она спокойно рассказывала, что видѣла. Минутами она какъ бы прислушивалась: кто-то что-то говорилъ ей. Столъ стучалъ и известнымъ способомъ, стуквою азбукою, говорилъ съ присутствовавшими, отвѣчая на ихъ вопросы. Флурнуа пришлось услышать довольно диковинныя вещи. Въ своихъ видѣніяхъ, которыя Смитъ пересказывала, она, между прочимъ, упоминала о нѣкоторыхъ событіяхъ, происшедшихъ въ семействѣ Флурнуа еще до его появленія на свѣтъ. Онъ признается, что ушелъ съ этого сеанса съ странными ощущеніями; умъ ученаго колебался подъ натискомъ мыслей о сверхъестественномъ, о передачѣ и чтеніи мыслей, о ясно-видѣніи, словомъ, о такихъ вещахъ и предметахъ, которые боролись со всѣми усвоенными имъ твердыми научными понятіями.

Медиумъ, посланный ему случаемъ, очень его заинтересовалъ. Онъ сталъ тщательно изучать г-жу Смитъ; скоро она обнаружила передъ нимъ высокія и исключительныя качества своего медиумизма. Она оказалась способною не только къ обычнымъ обманамъ зрѣнія и слуха, къ простымъ видѣніямъ и галлюцинаціямъ, но въ ней обнаружилась еще рѣдкая способность воплощенія: она въ своихъ трансахъ видѣла себя превращенною въ другую личность и вполне послѣдовательно выдерживала роль, навязанную ей такимъ переломомъ внутренняго «я».

Въ началѣ своей книги Флурнуа сообщаетъ біографическія свѣдѣнія о своемъ замѣчательномъ медиумѣ. Елена Смитъ—постоянная жительница Женевы. Она получила обычное, то есть очень основательное школьное образованіе, какъ и всѣ швейцарскія дѣвушки-горожанки. На 16 году она поступила на службу въ большой торговый домъ, въ кото-

ромъ и оставалась все послѣдующее время. Ея отецъ родомъ венгерецъ; онъ, между прочимъ, отличался громадною лингвистическою памятью и свободно говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ; это обстоятельство мы должны отмѣтить, потому что дочь могла унаслѣдовать отъ него эту способность. Сама она не знаетъ хорошо ни одного языка, кромѣ французскаго, но въ ней, очевидно, есть скрытая способность къ языкамъ. Отецъ ея умеръ очень старымъ—75 лѣтъ, матери теперь около 70 лѣтъ. Оба были вполне здоровые, нормальные люди, главное же, совершенно не склонные ни къ какимъ нервностямъ и психопатіи, оба страдали иногда только горловыми простудами да ревматизмами; Елена же, какъ уже сказано, пользуется цвѣтущимъ здоровьемъ. Отецъ никогда не имѣлъ никакихъ видѣній, никакихъ галлюцинацій и недолюбливалъ спиритизмъ. Мать, хотя и не была настоящею визионеркою, но съ ней всетаки случилось кое-что таинственное. Такъ, однажды, когда захворала ея младшая дочь, она увидѣла ночью надъ кроватью малютки свѣтлаго ангела, простиравшаго надъ нею руки. Г-жа Смитъ тотчасъ разбудила мужа, но тотъ ничего не увидалъ и безъ церемоніи посмѣялся надъ женою. А между тѣмъ малютка на утро умерла, къ немалому изумленію доктора. Этотъ случай является превосходнымъ примѣромъ материнскаго предчувствія, воплотившагося въ галлюцинацію, содержаніе которой взято воображеніемъ матери изъ ходячаго народнаго вѣрованія.

Такимъ образомъ, со стороны матери Елена могла унаслѣдовать кое-что, предрасположившее ее къ медиумизму. Она съ дѣтства стала предаваться грезамъ, строить воздушные замки. Она очень легко научилась рисовать и вырѣзывать изъ бумаги разныя фигурки. Замѣчательно, что въ этихъ своихъ художественныхъ произведеніяхъ Елена никогда ничего не копировала, а выдумывала все сама; ея фантазія съ необычайною легкостью воплощалась въ рисункахъ и вырѣзкахъ; чаще всего мотивы ея произведеній носили на себѣ отпечатокъ восточнаго стиля. Она сама удивляется, какъ свободно и легко научилась рисованію; по ея личному впечатлѣнію рисунокъ выходилъ у ней какъ-то самъ собою, словно кто водилъ ея рукою. Были у нея у маленькой и галлюцинаціи. Однажды, напримѣръ, она играла съ подругой и вдругъ ей показалось, что кто-то бѣжитъ за ней, догоняетъ ее, хотеть схватить; она ясно слышала догонявшаго, убѣгала отъ него, кружила около деревьевъ сада, чтобы отъ него увернуться. Преслѣдователь внезапно исчезъ, и она потомъ уже не видала его и не ощущала его присутствія. Было у нея еще другое любопытное явленіе. Иной разъ она пишетъ что-нибудь и вдругъ вмѣсто французской буквы поставить какой-то ей самой невѣдомый знакъ, и это совершенно произвольно. Иной разъ она мечтала одна гдѣ-нибудь въ уголѣ и воображеніе рисовало ей массу самыхъ причудливыхъ образовъ невиданныхъ цвѣтовъ, статуй, развалинъ, построекъ, огражденныхъ въ яркіе пѣтла. На 15 году у ней была первая явственная ночная галлюцинація: она видѣла, что ея комната наполнилась яркимъ свѣтомъ и на стѣнѣ появились какія-то письмена. Она тотчасъ подумала, во снѣ все это она видитъ или наяву? И она убѣдилась, что не спитъ. Въ другой разъ ночью она вдругъ почувствовала себя очень нехорошо; хотѣла привстать, крикнуть, и не могла. И вотъ она чувствуетъ, что

кто-то осторожно подхватилъ ее двумя руками снизу и приподнялъ вмѣстѣ съ подушкой; она тотчасъ очнулась и крикнула. На ея крикъ вошла мать и убрала изъ комнаты букетъ очень пахучихъ цвѣтовъ, отъ запаха которыхъ ей, вѣроятно, и сдѣлалось дурно.

Интересна еще одна черта въ психикѣ Елены. Она чувствовала себя чужою въ своей семьѣ и, случалось, спрашивала родителей, къ ихъ великому недоумѣнію и огорченію, увѣрены ли они, что она ихъ дочь. Она жила съ родными хорошо, но ей все казалось, что она явилась откуда-то издали, изъ другого міра, и она ощущала иногда тоску по этомъ невѣдомомъ мірѣ, что-то вродѣ тоски по родинѣ. Дѣвушка здоровая и красивая, она, конечно, не терпѣла недостатка въ женьшахъ, но отказывала имъ, повинаясь какому-то внутреннему, весьма убѣдительному голосу, который каждый разъ останавливалъ ее, отговаривалъ отъ брака, уговаривалъ не спѣшить, потому что ея судьба еще впереди. Она все ждала кого-то, кто придетъ за ней и уведетъ ее; ей почему-то казалось, что этотъ невѣдомый покровитель будетъ красивый мужчина въ богатой одеждѣ, расшитой серебромъ и золотомъ. Однажды кто-то позвонилъ, и она кинулась къ двери въ полной увѣренности, что это пришелъ за ней ея нарядный незнакомецъ. Но, увы, это былъ мальчикъ со спичками.

Первые опыты по части спиритизма начаты г-жею Смигъ зимою 1891—92 года. Одна знакомая, занимавшаяся спиритизмомъ, дала ей прочесть книгу Дени «Послѣ смерти», которая живо заинтересовала Елену; она тотчасъ согласилась принять участіе въ спиритическихъ сеансахъ. На первыхъ сеансахъ она ничѣмъ себя не проявила, и тогда всѣ явленія, которыя происходили за столомъ, были приписаны вліянію другого медиума; эти явленія, были, впрочемъ, ничтожны. Черезъ мѣсяцъ послѣ начала Елена впервые стала впадать въ трансъ; у ней обнаружился во время сеансовъ галлюцинаціи зрѣнія; она автоматически писала, то есть водила по бумагѣ рукою, вооруженною карандашемъ. Ей чудились какіе-то свѣтоносные шары, полосы свѣта, извивавшіяся въ комнатахъ. Наконецъ, на одномъ изъ сеансовъ страшный и буйный стукъ стола засвидѣтельствовалъ о томъ, что въ кружокъ спиритовъ явился духъ. Съ нимъ тотчасъ заговорили (обычнымъ способомъ, черезъ стукъ стола, причѣмъ число ударовъ указываетъ мѣсто буквы въ азбукѣ по порядку). Духъ назвался «Давидомъ» и объявилъ, что беретъ на себя руководство занятіями кружка. Но Давидъ не долго руководствовалъ; онъ скоро уступилъ мѣсто другому духу, духу Виктора Гюго, который объявилъ себя геніемъ-покровителемъ г-жи Смигъ. Это очень польстило Еленѣ и вообще спльно на нее подѣйствовало. Она была страшно возбуждена, вся дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Ей вдругъ почудилась надъ столомъ какая-то страшная рожа, дѣлавшая гримасы; она испугалась и потребовала, чтобы зажгли свѣтъ. Явилась лампа, присутствовавшіе успокоили Елену. Но въ это время, уже при свѣтѣ лампы, Елена увидала на столѣ букетъ цвѣтовъ; изъ него выползла змѣя, нюхала цвѣты, потомъ двигалась въ разныя стороны, наконецъ, опять скрылась въ букетъ, и столъ простучалъ условные три удара, сигналъ окончанія засѣданія.

Съ тѣхъ поръ Смигъ стала настоящимъ медиумомъ. Явленія, кото-

рыя спириты обычно приписываютъ «духамъ», стали при ней повторяться все чаще и чаще. Сама она оставалась попрежнему совершенно здоровой, крѣпкой, бодрой. Въ ея поведеніи вѣдъ сеансовъ не было рѣшительно ничего такого, что обличало бы въ ней нервную или духовную ненормальность. Она очень интересуется своею способностью, охотно бесѣдуетъ объ этомъ. По словамъ Флурнуа, она многое уже объяснила самой себѣ, составила что-то вродѣ теоріи, даже философіи сверхъестественнаго состоянія, въ которое такъ легко впадаетъ, и Флурнуа утверждаетъ, что ея взгляды не лишены оригинальности, свидѣтельствуя о здоровой способности мышленія. Въ Женевѣ ее скоро узнали; тамъ существуетъ общество психическихъ изслѣдованій, чисто спиритическое. Это общество употребляетъ всѣ усилія, чтобы привлечь къ къ себѣ г-жу Смитъ, но она уклоняется отъ участія въ его трудахъ; по ея словамъ, она не составила еще себѣ опредѣленныхъ взглядовъ на эти темныя и сложныя явленія и не можетъ принять готовыхъ спиритическихъ теорій, вообще не хочетъ работать въ интересахъ какой-либо партіи, принявшей окончательное мнѣніе. Съ Флурнуа же она охотно работала, видя въ немъ ученаго, приступающаго къ изслѣдованію безъ всякаго предвзятаго мнѣнія.

Какъ мы уже сказали, первымъ «духомъ», явившимся къ услугамъ Елены Смитъ, былъ какой-то Давидъ, тотчасъ уступившій свое мѣсто Виктору Гюго. Но и Гюго продержался недолго. Его мѣсто заступило Леопольдъ. Явленіе на сцену этого Леопольда очень заинтриговало Флурнуа; тутъ дѣло шло о какомъ-то очень сложномъ психическомъ явленіи, которое ученому профессору было очень интересно изслѣдовать поближе.

Леопольдъ заявился впервые на сеансъ въ августѣ 1892 года. Сначала онъ далъ о себѣ знать только обычными стуками, но потомъ Смитъ увидѣла его. Это былъ кавалеръ лѣтъ 35, одѣтый въ черное, съ добрымъ выраженіемъ лица. Начали съ нимъ бесѣдовать. Онъ отвѣчалъ стуками стола, что Елена его старая знакомая, лучше сказать древняя знакомая. Елена уже успѣла кое-что прочитать о переселеніи душъ и о воплощеніи раньше жившихъ людей въ другихъ, гораздо позже появляющихся на свѣтѣ личностяхъ. Среди спиритовъ это самое ходячее вѣрованіе; почти каждый медиумъ оказывается «бывшимъ» индусомъ или египтяниномъ, жившимъ за 100, за 200, даже за 1000 лѣтъ до нашего времени. Это вѣрованіе, несомнѣнно, прочно засѣло въ душѣ Елены и она его проявила, экстеріоризировала, какъ говорятъ спириты, въ своихъ трансахъ. Такъ и Леопольдъ оказался ~~жѣмъ-то~~ близко знавшимъ Елену въ ея прежней, давно прошедшей жизни, когда она существовала въ совершенно другомъ образѣ, въ другомъ мѣстѣ. Мы уже упоминали, что у Елены еще въ дѣтствѣ являлись какія-то смутныя сомнѣнія о своемъ происхожденіи. Въ этотъ первый визитъ Леопольда Елена приняла его не совсемъ благосклонно, она словно страшилась его и призывала своего генія-хранителя Гюго. Онъ оказался въ тотъ разъ тутъ же, на лицо, успокоилъ Елену, сказалъ, что ей нечего бояться, что онъ тутъ и стережетъ ее. Но въ одинъ изъ послѣдующихъ сеансовъ Леопольдъ заявился уже одинъ и властно извѣстилъ публику, что онъ теперь будетъ управлять всѣми дѣлами кружка. Онъ началъ съ того, что сталъ усыплять Смитъ; она изо всѣхъ силъ противилась сну, даже нарочно вставала изъ-за стола, думая, что навязчивый духъ удалится. Но онъ остался.

Всѣ участники хотѣли удалить этого самозванца, но онъ яростно потрясалъ столомъ и не сдавался. Съ этихъ поръ нѣсколько сеансовъ прошло въ безплодной вознѣ съ стронтивымъ духомъ. Участники гнали его, призывали на помощь своихъ друзей-духовъ, но Леопольдъ въ концѣ концовъ одолѣлъ и сталъ постояннымъ спутникомъ Елены; безъ него потомъ уже не обходился ни одинъ сеансъ.

Что это за Леопольдъ, откуда онъ взялся? Флурнуа не имѣетъ возможности разрѣнить эти вопросы съ научною точностью, но все же высказываетъ свое мнѣніе объ этомъ явленіи. Леопольдъ — это сама Елена, глубочайшая, коренная сущность ея личности. Всѣ тѣ черты и свойства этой личности, которыя ею самою даже и не сознаются, но тѣмъ не менѣе составляютъ ея основу, ея главную суть, какъ бы всплываютъ наверхъ въ состояніи медіумическаго трансa; медіумъ при этомъ отдѣляетъ ихъ отъ себя, экстеріоризируетъ, облакаетъ въ форму посторонней личности, именно потому, что въ нормальномъ состояніи никогда не сознаетъ ихъ въ себѣ. Эти черты выступаютъ только въ трансѣ, и, созерцая ихъ въ этомъ состояніи, медіумъ не признаетъ ихъ за часть самого себя и потому, естественно, принимаетъ за проявленія отдѣльной, особой личности. Обращаясь къ своему прошлому, къ дѣтству, Елена вспоминаетъ нѣсколько случаевъ, когда какой-то таинственный незнакомецъ-покровитель спасалъ ее отъ разныхъ бѣдъ. Мы уже рассказали о прокшествіи съ букетомъ цвѣтовъ, когда чьи-то благодѣтельные руки приподняли Елену и этимъ дали ей силы оправиться и позвать на помощь. Въ другой разъ она подверглась, еще будучи маленькой дѣвочкой, нападенію большой собаки; и тутъ опять таки явился какой-то мужчина, въ видѣ священнослужителя, съ бѣлымъ крестомъ на груди, прогналъ собаку и готчасъ исчезъ. Когда въ послѣдствіи, уже узнавъ своего Леопольда на сеансахъ, Елена спрашиваетъ его объ этихъ эпизодахъ ея дѣтства, Леопольдъ заявляетъ, что таинственнымъ ея защитникомъ и былъ никто иной, какъ онъ. Такимъ образомъ, инстинктъ самосохраненія, чувство страха, быть можетъ, половой стыдъ — вотъ тѣ главные элементы, которые, будучи почти несознаваемы Еленою, выдѣляются изъ ея личности при трансaхъ и служатъ матерьяломъ, изъ котораго ея воображеніе созидаетъ генія-хранителя Леопольда.

Ея отношенія къ Леопольду очень сложны и разнообразны. Она сама считаетъ его совершенно отдѣльною отъ себя сущностью, и какъ ни спорилъ съ ней объ этомъ Флурнуа, ничего не вызвалъ въ ней, кромѣ неудовольствія и даже какой-то обиды. Леопольдъ при своихъ появленіяхъ на сеансахъ сообщаетъ о себѣ кое-что; онъ, по его заявленію, никто иной, какъ знаменитый чародѣй и великій египетскій коптъ Калиостро, котораго біографію мы рассказали въ прошлогоднемъ нашемъ сборникѣ жизнеописаній авантюристовъ XVIII вѣка. Елена, конечно, могла знать объ этомъ индивидуумѣ, могла читать его біографію, могла оказаться въ числѣ тѣхъ многихъ лицъ, особенно дамъ, которыя слѣпо вѣровали въ сверхъестественную мощь ловкаго сицилійскаго проходимца. Флурнуа тщательно искалъ въ созданіи Елены какихъ-либо чертъ, завѣдомо характерныхъ для Калиостро, но нашелъ ихъ не много. Когда Леопольдъ появляется въ видѣ зрительной галлюцинаціи, т. е. когда Елена видитъ его, онъ представляется мужчиною среднихъ лѣтъ, въ костюмѣ конца прошлаго вѣка, напоминая наружностью Людовика XVI.

Часто Елена видитъ его посреди лабораторіи, окруженнаго печами, горнами, тиглями, ретортами, склянками; такимъ она, конечно, и должна представлять себя кудесника. Иной разъ онъ является въ видѣ врача-цѣлителя и подаетъ врачебные совѣты присутствующимъ; это тоже каліостровскій штрихъ. Иной разъ онъ принимается философствовать и проповѣдывать; его разглагольствованія не всегда очень умны, но всегда строго нравственны.

Леопольдъ окончательно овладѣлъ Еленою около 1895 года. Съ этого времени онъ началъ писать ея рукою. Первые попытки такой корреспонденціи представили для участниковъ сеансовъ очень любопытное зрѣлище. Обычно Смитъ пишетъ, какъ всѣ, держа карандашъ между большимъ и указательнымъ пальцами. У Леопольда-Каліостро другая манера: онъ держитъ карандашъ между указательнымъ и среднимъ пальцами. Эта разница породила вначалѣ настоящія схватки между Еленою и ея геніемъ. Она, по его приказанію, брала карандашъ, держа его своимъ способомъ; онъ хваталъ ее за руку и перекладывалъ карандашъ на свой ладъ. Начиналась борьба, вызывавшая явное огорченіе, даже слезы у Елены; но Леопольдъ-Бальзамо ставилъ на своемъ. Еще любопытная черта: Леопольдъ пишетъ всегда своимъ особымъ, крупнымъ почеркомъ, не имѣющимъ ничего графологически общаго съ мелкимъ, красивымъ женскимъ почеркомъ г-жи Смитъ. Флурнуа въ своей книгѣ приводитъ фототипическіе снимки съ рукописей Леопольда и Елены; видно, что это два совсѣмъ различные почерка, хотя написано то и другое одной рукою, рукою Елены. Въ первый сеансъ Елена, рукою которой завладѣлъ ея духъ, плакала отъ огорченія. Флурнуа объясняетъ эти слезы не физическою болью, а страданіемъ отъ сознанія, что этотъ таинственный незнакомецъ, представляемый Еленою совершенно обособленною отъ нея личностію, видимо овладѣваетъ ею всею, заставляетъ ее во всемъ покоряться себѣ; и это ее устало, въ ней заговорило чувство самосохраненія, независимости и, быть можетъ, полового стыда.

Вскорѣ послѣ опытовъ писанія рукою Елены обнаружилась и новая послѣдняя стадія овладѣнія личностію медиума: духъ сталъ говорить ея устами. При этомъ звонкій и мелодичный голосокъ Елены измѣнялся въ грубый мужской голосъ; вдобавокъ она говорила тогда не на чистомъ французскомъ языкѣ, а такъ, какъ итальянцы, худо освоившіеся съ французскимъ языкомъ, говорятъ на немъ. Слышались фразы вроде: «Ah, quelle souffrance!...» «Zé né voudré pas»... и т. д. Въ этомъ уродованіи выговора надо видѣть новую попытку копировать сицилійца Бальзамо. Любопытно, что послѣ сеанса Елена овладѣла своимъ нѣжнымъ голоскомъ, но продолжала итальянскую ломку французскихъ словъ. Ей это тотчасъ замѣтили, и она страшно взволновалась, но не могла сладить съ собою. Придя въ тотъ вечеръ домой, она нарочно заговорила съ матерью, и та тоже пришла въ исцугъ отъ этой ломки словъ. Къ счастью, за ночь все это прошло и на утро Елена говорила какъ слѣдуетъ.

Флурнуа съ большими подробностями разбираетъ это проявленіе медиумической натуры Елены Смитъ, усиливаясь доказать, что Леопольдъ—дѣтище ея внутренняго «я»; мы не будемъ здѣсь подробно останавливаться на этихъ усиліяхъ профессора-психолога объяснить инте-

ресное явленіе психической жизни; подробности доводовъ профессора интересны лишь для специалистовъ. Мы же, для полноты характеристики Елены, расскажемъ еще про ея фантастическіе романы, изъ которыхъ одинъ происходитъ на планетѣ Марсѣ, другой—въ Индіи, а третій—во Франціи во времена королевы Маріи-Антуанетты.

Откуда у Елены Смитъ взялись ея мечтанія о Марсѣ—надъ этимъ долго задумываться не приходится. Въ послѣдніе годы эта планета, ближайшая сосѣдка земли въ солнечной системѣ, обратила на себя всеобщее вниманіе. Началось съ того, что лѣтъ еще 20 тому назадъ итальянскій астрономъ Скиапарелли разсмотрѣлъ на поверхности Марса какія-то полосы, которыя тогда приняли за каналы, сооруженные марсецами. Изъ этого надо было заключить—и, конечно, предъ этимъ не остановились,—что обитатели Марса—народъ, далеко двинувшійся по пути культурнаго совершенствованія. Мечтанія публики были подхвачены извѣстнымъ астрономомъ Фламмаріономъ. Онъ написалъ цѣлую книгу о Марсѣ, въ которой прямо выражаетъ надежду на то, что жители земли и Марса рано или поздно завяжутъ между собою сношенія! Эта перспектива междупланетной почты довела многіе фантастически настроенные умы почти до восторга. Одна богатая дама завѣщала крупный капиталъ на устройство этой почты! Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти толки о Марсѣ и его жителяхъ дошли и до Елены Смитъ. Впечатлительная дѣвушка могла размечтаться въ свое время на эту тему, и во всякомъ случаѣ Марсѣ засѣлъ у нея въ мозгу довольно прочно. Когда же она стала медитумомъ и начала постепенно выкладывать въ трансахъ запасныя сокровища своей фантазіи, въ числѣ ихъ всплылъ навѣрхъ и Марсѣ.

Впервые Марсѣ явился на сцену во время сеанса, происходившаго въ ноябрѣ 1894 года. Елена, погружившись въ трансъ, замѣтила какой-то свѣтъ вдали и почувствовала, что ея голова опустѣла и что у нея нѣтъ болѣе тѣла! Ее окружилъ густой туманъ, среди котораго ее влекло куда-то въ невѣдомую даль. «Я плыву!» повторяла она, и стоить, словно стремясь выразить ея движеніе, оперся на одну ножку и описывалъ плавныя круговыя движенія. Черезъ нѣсколько времени она увидѣла блестящую звѣзду, скоро расплывшуюся въ огромный шаръ. «Куда я стремлюсь?» спрашивала она, и стоить отвѣчалъ ей стуками: «На Марсѣ!». И вотъ она, наконецъ, на Марсѣ. Она съ удивленіемъ и радостью передавала все, что видѣла: какіе-то экипажи, плавно двигавшіеся безъ лошадей и колесъ, разбрасывая искры; дома съ фонтанами, бьющими изъ крышъ; колыбели, у которыхъ вмѣсто занавѣси были прилажены какія-то фигуры вродѣ ангеловъ съ распростертыми крыльями. Видѣла она и обывателей таинственной планеты: они оказались во всемъ подобными намъ, только оба пола у нихъ носятъ одинаковый костюмъ—широкія панталоны и просторную блузу съ поясомъ, всю покрытую какими-то фигурами. Далѣе, Елена увидала какой-то большой залъ, въ которомъ читалъ лекцію извѣстный въ свое время политическій дѣятель и врачъ-филантропъ Распайль. Онъ явился: тутъ очень кстати: о его способѣ леченія всѣхъ недуговъ камфорою шарпѣчь въ кружкѣ, гдѣ участвовала въ то время Елена. Послѣ того марсовское видѣніе потускнѣло, исчезло, и стоить вновь заколебался на одной ножкѣ—Елена возвращалась на землю, довольно таки поспѣшно переносясь черезъ миллионы верстъ, отдѣляющихъ Марсѣ отъ земли.

Этимъ первымъ воздухоплавательнымъ или, правильнѣе говоря, эфироплавательнымъ опытомъ начался, какъ выражается Флурнуа, марсовскій кругъ медіумическаго фантазированія дѣвицы Смитъ. Она начала на сеансахъ все чаще и чаще посѣщать Марсъ и сообщала о немъ все большія подробности. Скоро она познакомилась съ жителями планеты, постигла ихъ языкъ, узнала даже дѣлую исторію, что-то вродѣ романа, происшедшаго на Марсѣ. Черезъ нѣсколько времени она стала видѣть сцены марсовской жизни даже наяву. Однажды, напримѣръ, она проснулась на зарѣ, сѣла на кровати и вдругъ увидала передъ собой марсовскій пейзажъ. Передъ ней было озеро съ голубовато-розовою водою; черезъ озеро шелъ мостъ, составленный изъ желтыхъ полосъ, вродѣ органичныхъ трубъ. Земля была персиковаго цвѣта. Виднѣлись деревья со стволами, распрямляющимися кверху, либо скрученными. Скоро появилась толпа людей, среди которыхъ ей почему-то особенно запомнилась одна женщина. На мосту стоялъ мужчина, котораго Елена уже видѣла раньше на Марсѣ и знала, что его зовутъ «Астанэ»; онъ держалъ въ обѣихъ рукахъ снаряды вродѣ каретныхъ фонарей; Елена знала, что если подавить эти снаряды, то они испустятъ болѣе или менѣе сильное пламя; съ помощью этихъ снарядовъ на Марсѣ летаютъ по воздуху. Это видѣніе, какъ Елена удостоивилась по часамъ, продолжалось 25 минутъ, и она все время—въ этомъ она твердо увѣрена—не спала; видѣніе было наяву.

Перечислять въ подробности все видѣнное Еленою на Марсѣ было бы, пожалуй, скучновато, и мы ограничимся лишь самымъ существеннымъ. Елена, умѣющая рисовать, сдѣлала много набросковъ акварелью съ разныхъ предметовъ, видѣнныхъ на Марсѣ, и въ книгѣ Флурнуа приведены точные снимки съ этихъ рисунковъ. Вотъ, напримѣръ, сложный и пестрый пейзажъ. Спереди бассейнъ воды, прудъ, съ правильными очертаніями береговъ; вода зеленоватаго цвѣта, земля сѣрая, а бордюръ у воды бурый. На заднемъ планѣ розовыя скалы, покрытыя зеленою растительностью съ розовыми, пурпуровыми и бѣлыми пятнами, надо полагать цвѣтами. Наскалахъ и среди зелени—постройки; онѣ многочисленны и поставлены густо; по формѣ онѣ напоминаютъ капители колоннъ: влѣзу онѣ уже, а кверху расширяются; по нимъ идутъ полосы, какъ будто бы отличающія кирпичную кладку; унція изъ построекъ напоминаютъ минареты мечетей съ широкими балконами; въ окраскѣ зданій преобладаютъ кирпичный и бурый цвѣта; направо виднѣются люди въ красныхъ платьяхъ и огромныхъ бѣлыхъ шапкахъ. Рисунокъ по общему виду напоминаетъ какую-то ребячью или декадентскую фантазію. Есть еще рисунки растений, цвѣтовъ, плодовъ; въ нихъ нѣтъ ничего особеннаго, они напоминаютъ наши земныя растенія; плодъ похожъ на ананасъ. На одномъ рисункѣ представлено животное, которое прислуживаетъ упомянутому выше марсейцу Астанэ. Это какое-то престранное существо, вродѣ лягушиного головастика. У него огромная голова, похожая на ягоду малины, украшенная единственнымъ глазомъ и пучками перьевъ съ боковъ. Елена относится къ этому звѣрю съ явнымъ страхомъ, хотя онъ, по ея описанію, невеликъ—около $\frac{3}{4}$ аршина дліною. Звѣрь слушается хозяина, приноситъ (невѣдомо какъ) ему разныя вещи; сверхъ того, звѣрь умѣетъ писать (!!); образцовъ его каллиграфическаго искусства Елена не представила.

Флурнуа, очевидно, лишь въ шутку называетъ романомъ то, что видѣла Елена на Марсѣ. Никакой связной исторіи она не повѣдала, а дала лишь рядъ сценъ, при которыхъ присутствовала. Вотъ, для образца, одна изъ этихъ сценъ (сеансъ 28 ноября 1897 года). Елена видитъ одну изъ улицъ марсовскаго города, освѣщенную не наружными, а внутренними домовыми свѣточами, черезъ особыя окошки. Передъ нею открывается внутренность одного изъ домовъ; она видитъ великолѣпный, обширный залъ, освѣщенный четырьмя лампами, состоящими каждая изъ четырехъ яркихъ шаровъ. Залъ украшенъ множествомъ растеній. По срединѣ зала купа зелени, а вокругъ нея множество столиковъ съ блестящими, какъ бы никелированными досками. Залъ наполненъ молодыми людьми обоюго пола. Дѣвушки носятъ длинныя косы, падающія имъ на спину, и головныя уборы въ видѣ бабочекъ, помѣщенные сзади, на затылкѣ. Молодежь оживленно разговариваетъ, но Елена не можетъ разобрать, что говорятъ. Появляется Астанѣ въ костюмѣ, который почему-то Еленѣ не нравится. Онъ очень любезенъ съ дѣвицами, треплетъ ихъ по щечкамъ, а онѣ свидѣтельствуютъ ему свою симпатію, запуская ему ручки въ волосы; потомъ они ходятъ вокругъ него, хлопая въ ладоши. Астанѣ садится одинъ за особый столикъ, а молодежь разсаживается по двѣ пары. На столикахъ красуются цвѣты прекрасныхъ колеровъ, совсѣмъ не похожіе на наши. Двое людей, должно быть служителей, вносятъ большой подносъ, берутъ съ него тарелочки и ставятъ ихъ на столики; Елена видитъ вилки, трехзубыя, какъ и наши, только какъ будто безъ черенковъ, видитъ чашки. Потомъ приносятъ какого-то жаренаго звѣря, вродѣ кошки, и ставятъ передъ Астанѣ. Сей именитый марсіанинъ живо раздираетъ жаркое на части прямо пальцами, на концы которыхъ надѣты какіе-то серебряные наперстки или крючки; эти куски, очень правильной квадратной формы, раздаютъ всѣмъ гостямъ. Всѣмъ вдругъ становится ужасно весело; Астанѣ поочередно подсаживается ко всѣмъ столикамъ и дѣвицы вновь теребятъ его волосы. Приносятъ новое блюдо—какія-то печенья въ видѣ палочекъ съ воткнутымъ въ нихъ цвѣткомъ; гости ѣдятъ печенье и цвѣты. На этомъ трапеза кончается. Гости умываютъ руки у фонтановъ въ углу зала. Тогда одна изъ стѣнъ поднимается, какъ театралный занавѣсъ, и открывается новый залъ, роскошно освѣщенный. Раздается музыка; музыканты дуютъ въ какія-то золоченыя трубы, вродѣ воронокъ. Гости танцуютъ, плавно скользя, положивъ другъ другу руки на плечи. Въ залѣ стоитъ невыносимая жара. Въ это время Елена различаетъ въ толпѣ раньше видѣнныхъ ею молодого человѣка по имени Сикэ и дѣвицу-брюнетку по имени Матемі. Они сходятся, говорятъ другъ другу весьма скромный любовный привѣтъ и скрываются въ купѣ зелени, находящейся посреди зала. Этимъ и кончается видѣніе.

Съ самаго начала своихъ экскурсій на Марсѣ Елена слышала языкъ, разговоръ мѣстныхъ жителей и иногда произносила отдѣльныя слова ихъ языка. Участвовавшіе въ сеансѣ были, конечно, заинтересованы этимъ языкомъ и настаивали, чтобы ихъ познакомили съ нимъ Леопольдъ, неизмѣнный ассистентъ Елены, внявъ этой просьбѣ. Сначала Елена говорила фразы на этомъ языкѣ, и присутствовавшіе ихъ записывали, какъ удавалось разслышать. Леопольдъ

потомъ переводилъ ихъ, вода рукою Елены; такимъ образомъ получался подлинный текстъ и переводъ. Беремъ наудачу нѣсколько фразъ, записанныхъ Флурнуа, въ его транскрипціи, французскими буквами, съ подстрочнымъ переводомъ:

dé veschi ké ti éfi nervé éni
ты видишь сколько вещей великолѣпныхъ здѣсь.
Astané ne zé ten ti vi
Астанэ есть тутъ около тебя
Ramié pondé acami andédir teri antéché
Рамьэ ученый астрономъ будетъ являться какъ вчера
iri évi ana.— Riz vi bapa mirax ti Ramié
часто тебѣ теперь. На тебѣ три прощанія Рамьэ
ni Astané.— Evai divinée.
и Астане.— Будь счастлива.

Вначалѣ записи столь чуждыхъ намъ рѣчей велись французскимъ алфавитомъ, но въ маѣ 1897 года Астанэ подала Еленѣ надежду, что скоро ей будутъ показаны марсовскія письма. И въ самомъ дѣлѣ, на слѣдующихъ сеансахъ рука Елены, вооруженная карандашомъ, начала чертить какіе-то странные знаки, очевидно буквы, изъ которыхъ выходили слова и строчки. Духъ, водившій ея рукою, читалъ ей написанное, а она повторяла вслухъ; можно было тотчасъ подписать слова подъ рукописью. Такимъ образомъ удалось составить марсовскую азбуку. Флурнуа приводитъ ее въ своей книгѣ; въ ней имѣются всѣ буквы французскаго алфавита, кромѣ j, q, w, x, y. Очертанія марсовскихъ буквъ напоминаютъ восточныя азбуки. Такъ l похоже на сакскритское d (крюкъ вправо подъ горизонтальной чертой); p имѣетъ ту же фигуру только наоборотъ—крюкъ влѣво; k—совсѣмъ похоже на тибетское m; s—на еврейское E каде, и т. д. Нѣкоторыя буквы похожи на наши цифры: f на 3, b—на 5, k—обернутое 5, m и n—вопросительные знаки—одинъ вправо, другой влѣво. Возможно думать, что Елена Смитъ имѣла случайно въ рукахъ какую-нибудь книгу, въ которой собраны всѣ восточныя азбуки (вродѣ, напримѣръ, Эйхгофа «Parallele des langues de l'Europe et de l'Inde»), и причудливыя очертанія тѣхъ буквъ остались у нея въ памяти, а потомъ возвратились и припомнились въ ея медиумическихъ снахъ.

Такъ или иначе, но не подлежитъ сомнѣнію, что азбука и языкъ жителей Марса составились въ мозгу Елены вполне систематически. Она никогда не сбивалась и не путала ни буквъ, ни словъ; каждый знакъ и каждое слово повторялись правильно въ разъ данной ею формѣ и значеніи. Флурнуа, по возможности, сдѣлалъ грамматическій сводъ марсовскаго языка по даннымъ Еленою образцамъ-текстамъ. Марсовскій языкъ по ближайшемъ разсмотрѣніи оказался очень прозрачнымъ слѣпкомъ съ французскаго языка. Флурнуа не безъ основанія рассматриваетъ его, какъ живое подобіе тѣхъ «своихъ» языковъ и азбукъ, которые такъ охотно избрѣтаютъ дѣти-школьпики; они берутъ причудливыя знаки для азбуки и особые звуки для словъ, но азбука и вся грамматика невольно слѣпляются ими по своему родному языку. Такъ вышло и съ марсовскимъ языкомъ, который создала въ своихъ сновидѣніяхъ Елена. Въ спиритическихъ проявленіяхъ личность не хочетъ превзойти себя и должна все черпать изъ себя же самой; еслибъ Елена была ученымъ филологомъ или лингвистомъ, то, вѣроятно, ея фантазія со-

здада бы весьма цвѣтнстую картину какого-нибудь неслыханнаго парбчія; но что же она могла дать при ея убогомъ филологическомъ багажѣ? Ея отецъ былъ лингвистомъ и зналъ языки; она же унаслѣдовала отъ него только способность къ лингвистикѣ, но языковъ не знала; врожденная способность помогла ей справиться съ задачей созданія новаго языка, но образцомъ для него могъ быть только ея родной французскій языкъ.

Вообще марсовскій романъ относится къ области чистой фантази. Но у Елены было еще два созданія — индійскій романъ и романъ Маріи-Антуанетты; тутъ ей приходилось держаться въ предѣлахъ строгой исторической правды, и надо отдать ей справедливость, она не очень далеко отъ нея отступала, имѣя очевидно, запасъ нужныхъ свѣдѣній. И въ этомъ состояла вся загадка для профессора Флуруа. Онъ тщательнѣйше изслѣдовалъ, откуда, у Елены взялись необходимыя свѣдѣнія, на примѣръ, по исторіи, географіи, этнографіи Индіи, гдѣ и какъ Елена ознакомилась съ санскритскимъ языкомъ — и ничего не могъ добыть; выходило, что Елена не имѣетъ такихъ свѣдѣній и не откуда было ей добыть ихъ; а между тѣмъ, они оказывались на лицо.

Коснемся въ двухъ словахъ фабулы индійскаго романа. По смыслу этой исторіи Елена Смитъ уже существовала раньше, именно въ концѣ XIV столѣтія. Она тогда была дочерью арабскаго шейха Пирюкса. Она вышла замужъ за индійскаго раджу Сиврука Найяка, который въ настоящее время воплотился какъ разъ въ личности профессора Флуруа; почтенный ученый, самъ того не подозрѣвая, носить въ своемъ грѣшномъ тѣлѣ душу давно почившаго раджи. Дочь шейха, выйдя замужъ, стала называться Симандини; она была по счету одиннадцатою супругою женолюбиваго индійскаго принца. Симандини горячо любила мужа и по его смерти была сожжена живьемъ на его погребальномъ кострѣ. Вокругъ этихъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ исторіи выступаютъ еще слуга Адель, домашняя обезьянка Митиджа, потомъ факиръ Канга. Этотъ Канга послѣ кончины перенесся на Марсъ и тамъ воплотился въ фигурѣ вышеупомянутаго Астанѣ. Есть и еще кое-какія лица, но ихъ участіе въ дѣлѣ совѣтъ неясно. Впадая въ трансъ и начавъ индійскія видѣнія, Елена вся преобразается: она садится по восточному, дѣлалъ движенія и поклоны на восточный манеръ.

Все это удивительно, все обличаетъ хорошее знакомство съ Востокомъ, а откуда оно взялось у Елены Смитъ — этого невозможно прослѣдить! Любопытно, что имена Сиврука Найяка и другія, упоминаемая Еленою, можно найти въ старой книгѣ Де-Марлеса «Исторія Индіи». Читала ее Елена или нѣтъ? Этого не удалось выяснитъ, но приходится утверждать, что читала или слышала пересказъ отъ кого-нибудь изъ читавшихъ. Обнаружился еще другой курьезъ. На одномъ сеансѣ, въ полномъ разгарѣ индусской фантазмагоріи, Елена увидѣла себя съ своимъ отцомъ, арабскимъ шейхомъ. Онъ велитъ ей писать, и она пишетъ по-арабски, арабскими буквами, только не справа налево, какъ пишутъ арабы, а наоборотъ, по-европейски. Но буквы настоящія арабскія; ихъ можно прочесть, онѣ образуютъ четыре настоящихъ арабскихъ слова, осмысленную фразу. Во время сеансовъ въ индусскими фантазіями Елена произносила слова и фразы, напоминавшія санскритъ, хотя не чисто санскритскія; вдобавокъ, она произноситъ ихъ такъ, какъ будто

они написаны по обычной транскрипціи, латинскими буквами; но такъ, какъ французы произносятъ латынь. Такъ, напимѣръ, слово *vasanta* (весна) надо выговаривать *васанта*, съ удареніемъ на первомъ *а*, а Елена его выговариваетъ по-французски — *вазантá*, съ удареніемъ на концѣ и носовымъ звукомъ. Надо еще принять въ расчетъ, что, будучи супругою индійскаго раджи въ XIV вѣкѣ и притомъ сама не индусска, а арабка, Елена должна была слышать кругомъ не чистый древній санскритъ, а мѣстный, происшедшій отъ санскрита языкъ (пракритъ), который вдобавокъ ею, чужестранкою, могъ быть худо усвоенъ; это обстоятельство какъ бы принято Еленою въ расчетъ въ ея индусскомъ романѣ. Странно и необъяснимо также, откуда могла узнать Елена санскритскую азбуку. А между тѣмъ, она видимо свободно владѣетъ ею. Въ письмахъ, которыя она пишетъ Флурнуа подъ наитіемъ своего медіумизма, попадаются часто выѣсто французскихъ буквъ соотвѣтствующія санскритскія, начертанныя твердо, вѣрно и бѣгло. Въ одномъ письмѣ, копія котораго приведена въ книгѣ Флурнуа, мы видимъ на соотвѣтствующихъ мѣстахъ хорошо написанныя санскритскія буквы *д*, *е*, *а*; не такъ ясно, но все же разборчиво написана буква *р*. Все это удивительно и загадочно, и Флурнуа, человекъ строгой науки, которому нѣтъ возможности объяснить такіе фокусы вмѣшательствомъ безплотныхъ силъ, оставляетъ загадку до поры до времени открытою, уповаю, что со временемъ такого рода явленія наукъ удастся вывести изъ области духовидѣнія и вообще чудеснаго.

Упомянемъ для полноты вкратцѣ о послѣднемъ произведеніи медіумизма Елены, ея французскомъ романѣ. Она въ послѣднее время во время сеансовъ превращается въ королеву Марію-Антуанетту. Въ этихъ видѣніяхъ мелькаютъ всѣ дѣятели революціи: принцесса Ламбаль, аббатъ Грегюаръ, кровожадный Эберъ. Елена, воплощая въ себѣ злополучную королеву, держится вполне соотвѣтственно такой роли. Мы не упоминаемъ о многочисленныхъ воспроизводимыхъ ею сценахъ изъ жизни королевы; скажемъ только, что, по словамъ Флурнуа, онѣ показываютъ основательное знакомство съ историческими фактами. Такимъ образомъ, для зрителя эти сцены, мастерски выполняемыя Еленою, представляются гораздо болѣе интересными, чѣмъ ея марсовскія и восточныя фантазіи.

Спиритическія явленія пока еще очень трудно изучать: мало людей настолько овладѣваютъ собою, чтобы относиться къ этимъ явленіямъ спокойно. Флурнуа убѣдился въ этомъ при своихъ наблюденіяхъ надъ Еленою Смитъ. При немъ во время сеансовъ не случилось ничего сверхъестественнаго; но лица, раньше работавшія съ Еленою, рассказывали ему чудеса: они слышали во время сеансовъ звуки рояля, къ которому никто не прикасался, видѣли, какъ на столѣ сыпались розы, фіалки, раковины. Эти явленія живо заинтересовали Флурнуа. Онъ постарался увидѣть и разспросить всѣхъ участниковъ сеансовъ, и тутъ вдругъ обнаружилось, что далеко не всѣ слышали музыку и видѣли дожди изъ цвѣтовъ и раковинъ: одни просто смѣялись надъ этимъ, другіе утверждали, что видѣли цвѣты, но что ихъ бросилъ на столѣ такой-то изъ участниковъ сеанса. Что же можно было вывести изъ такихъ показаній?...

Какъ понимать медиумизмъ? Быть можетъ, всего вѣрнѣе будетъ заключить, что медиумическое состояніе не что иное, какъ физиологическая разновидность сна. Чего только мы не видимъ во снѣ? И пейзажи на Марсѣ, и говорящихъ звѣрей, и слышимъ удивительные языки, и сами бѣгло на нихъ говоримъ и пишемъ. Почему бы не предположить, что могутъ встрѣчаться такіа натуры, въ которыхъ способность сновидѣній развита въ чрезмѣрной степени? Имъ достаточно небольшого внѣшняго толчка, чтобы начать грезить наяву, перенестись на Марсѣ, на любую звѣзду и видѣть, и слышать тамъ все, что въ разное время задержалось въ мозгу чудеснаго и необычайнаго и что во снѣ живо превращается въ дѣйствительность. Такимъ путемъ въ основѣ можно объяснить все, что происходитъ съ Еленюю Смитъ. Она не лжетъ и не обманываетъ, она въ самомъ дѣлѣ видитъ и слышитъ; но ясно, что не въ нормальномъ бодрствованіи, а въ особомъ сонномъ состояніи, при которомъ сны бываютъ особенно сильны, ярки, выпуклы, поглощаютъ сознаніе личности и производятъ на нее впечатлѣніе живой дѣйствительности. Такъ или иначе, духамъ и гевіямъ въ области столоверченія скоро придетъ конецъ: можно будетъ гораздо удобнѣе и совмѣстимѣе съ разумомъ обходиться безъ этихъ посредниковъ...
